— Спасибо, что пришёл проведать, но сейчас мне нужно уходить.

— Хейзел.

Сизиф, стоя напротив Хейзел, смотрел на неё прищурившись. Он больно сжал её плечи

— Принц Сизиф.

Хейзел позвала его тихим, грустным голосом. Чем больше она с ним болтала, тем больше Хейзел казалось вероятным, что глупость прошлого вернётся, чтобы преследовать её.

— Надеюсь, Вы хорошо проведёте время в Королевстве Граунд, прежде чем настанет день вернуться в родную страну. Я не смогу к вам присоединиться до конца мероприятий из-за моего самочувствия.

***

Шаги до спальни были наполнены жёсткостью. Выложенный мрамором коридор отзывался звуком нервно шаркающих подошв. Горничные и служанки, понимая, что встреча очень взволновала принцессу, избегали её взглядов.

*Бах!

Сильно хлопнув дверью, Хейзел прошла прямиком к кровати и рухнула на неё.

Могло быть во много раз хуже.

“Я не собиралась делать этого…”

Все виды сожаления кружились в её голове. Она не была способна избегать встреч с Сизифом. Но если бы Хейзел увиделась с ним вновь, она хотела бы смотреть ему в лицо более решительно.

Она была почему-то рада встрече с ним, но в то же время она не хотела его видеть.

Это была причина, почему Хейзел ненавидела находиться в присутствии Сизифа. Было очевидно, что взгляд на него вернёт все те эмоции, все проблески прошлого, что будут мучить её.

“Это, наверное, из-за его доброты.”

Бесполезной доброты, в которой было слишком много яда.

Но это так же была правда. Сизиф был нежным и добрым мужчиной по своей природе, его любили и лелеяли, поэтому он не был бессердечным, отдавая что-то другим.

«Я волновался.»

Прошлая Хейзел всегда была на седьмом небе от счастья, услышав нечто подобное от него. Даже несмотря на то, что в его словах была какая-то враждебность.

Смешно, что это было впервые, когда она слышала эти слова. Голос серьёзно спрашивал, была ли она в порядке. Он беспокоился за неё.

Она всегда должна была быть в порядке, потому что должна выглядеть лучше всех.

«Ты – первая принцесса Граунда. Ты должна выглядеть прекрасно в любое время, где бы ты ни была. Не забывай это, даже если плачешь.»

Королева Мартина была холодна со своей дочерью. Она не позволяла Хейзел плакать или жаловаться.

Она строго обучала свою единственную дочь и подчёркивала, что Хейзел должна выглядеть спокойной даже в момент смерти.

Хейзел жила так и знала, что будет продолжать жить так и дальше. Но доброта, как-то проникнувшая в эту щель, сломила её. Она всё больше жаждала доброты и нежности.

Она не думала, что это будет что-то особенное, но когда столкнулось с Сизифом, то почувствовала себя беспомощной. Но…

“Я должна избавиться от этого. От этого чувства безответной любви. Должна перестать желать этой доброты, ведь она не принадлежит мне. Достаточно того, что я жива.”

Всё было хорошо, и от этого у Хейзел заслезились глаза. Теперь он получит титул великого герцога и будет счастливо жить с Лоретт в их собственном поместье, когда Ахиллеон станет императором.

Ей просто необходимо верить в это. Всё должно быть именно так.

***

— Я думал, тебе очень нравится это королевство.

— О, брат.

Сизиф повернул свою голову, когда услышал голос, донёсшийся из-за двери.

— Добро пожаловать.

— Я думал, его величество посылает вас в королевство только потому, что ты прячешь что-то.

— …

— Разве это королевство не было местом, которое ты посещал, если тебе становилось скучно? Теперь это стало неудобно для тебя?

Здание, в котором расположилась имперская делегация, находилось к востоку от королевского дворца. Целый дворец был построен и освобожден, чтобы имперские слуги и служанки могли остановиться там и не чувствовать себя неудобно во время пребывания в королевстве.

Большинство слуг во дворце были теми, кто заботился о Сизифе во время его визитов в королевство.

— Это не неудобно. Все люди во дворце очень добры.

— Так почему мне кажется, что ты шокирован? – Ахиллеон с усмешкой посмотрел на Сизифа, – Почему же? Ты был отвергнут?

— Всё не совсем так.

Сизиф вновь улыбнулся. Тем не менее, тень на его лице не исчезла так легко.

— Это всего лишь кое-что, немного беспокоящее меня.

У Сизифа было мрачное выражение лица. Ахеллион нашел это странным: его сводный брат, который всегда был дружелюбным и разгуливал с улыбочкой, сейчас сидел здесь с выражением лица, совсем ему не свойственным.

— В конце концов, все здесь, казалось, смотрели на меня и моего брата необычным образом.

— Правда? – Сизиф ответил и наклонился вперёд, – Им, должно быть, интересно то, что мы, сводные братья, так хорошо ладим друг с другом.

— Я почти уверен, что в Демофосе есть и другие императорские семьи со сводными братьями.

Принц был сыном Императрицы, а кронпринц – сыном наложницы. Для других было бы привычней видеть, как они дерутся, словно кошка с мышкой.

— Не все могут жить дружно. Мы – братья, даже если всего лишь наполовину.

— Ты действительно так считаешь?

Ахиллеон посмотрел на Сизифа так, если бы тот был странным созданием.

— Моя мать беспокоится о тебе, – сказал Сизиф.

— Императрица?..

— Да.

Сизиф ответил Ахиллеону, но тот продолжал непрерывно глядеть на горы вдалеке.

— Брат? Что такое?

Он присмотрелся повнимательнее и заметил, как поднимаются и опускаются широкие плечи Ахиллеона.

— Поздравляю, Сизиф. Ты наконец-то смог рассмешить меня.

Ахиллеон резко встал и истерически засмеялся.

— Что?

Сизиф сконфуженно посмотрел на него.

— Императрица очень «сострадательный» человек. Ты прав.

Ахиллеон кивнул и прикоснулся к розам на маленьком приставном столике.

— Везде розы.

В течение всего дня комната наполняли розами.

— Их прислала Леди Пайс. Они все – как одна, по размеру и цвету.

— Да, они выглядят намного лучше тех, что я видел в империи.

Даже несмотря на то, что цветы были всего лишь цветами в глазах Ахиллеона, было нечто особенное в розах, украшавших дворец.

— Имперские садовники умерли бы от зависти, если бы увидели их. Они начали бы выводить новый сорт.

Лепестки роз были такими большими и источали такой густой аромат, что у него закружилась голова. Этот запах напомнил Ахиллеону кое-кого.

К примеру, одну определённую женщину, которая убежала с кошкой, когда Ахиллеон был застигнут врасплох.

«Что ты пытался сделать с Титти?»

Несмотря на то, что в тот раз поблизости не было ни одного цветущего бутона, Ахиллеон чувствовал запах роз в воздухе. И теперь, когда он почувствовал этот запах вновь, ему вспомнилась та наглая горничная. Это был по-настоящему малообъяснимый ход мыслей.

— В королевском дворце есть кошки? – неожиданно спросил он.

— Кошки? – Сизиф наклонил голову из-за столь неожиданного вопроса. – Почему ты спрашиваешь?

Сизиф смотрел на брата, смерив его любопытным взглядом, когда глаз зацепился за руку Ахиллеона.

— О, кстати, я заметил раны на твоей руке.

На балу Ахиллеон сначала исчез ненадолго, а затем вернулся с рукой, которую покрывали маленькие царапины различных размеров. Удивлённый, Сизиф спросил Ахиллеона, как это случилось, на что брат ответил: «Был укушен проходящей мимо кошкой».

— Кошка неожиданно укусила тебя?

— Я немного коснулся её.

Ахиллеон рассказал, как он получил эти темные длинные царапины на руке. Рядом с небольшой была глубокая отметина, как если бы кто-то вцепился в руку зубами. Вглядевшись в глубокие царапины, можно было понять, что их нанесла яростно сопротивлявшаяся кошка.

— Ты трогал кошку?

— Да.

Ахиллеон смотрел на свои раны

Сизифа удивляла сама мысль о том, что Ахиллеон прошёл всю войну без единой царапины, но при этом кошка оставила отметины на его руке.

— Почему ты не обработал укус медикаментами? Рана выглядит довольно глубокой.

На тыльной стороне его ладони красовался опухший красный шрам. Он не обработал это место с помощью мази, и теперь всё выглядело так, будто после заживления на нём образуется шрам.

— Я позову придворного лекаря.

— В этом нет нужды, – он отказался, махнув рукой.

— Что?

Губы Ахиллеона расплылись в небольшой улыбке, пока он смотрел на Сизифа. У него было шаловливое выражение лица, которое бывало, когда он находил что-то интересное.

— Так я смогу коллекционировать свои неудачи.

— Что ты имеешь в виду?

Сизиф наклонил свою голову, так как не мог понять, о чём говорил Ахиллеон.

— Это может звучать по-кошачьи, но коты – существа боязливые. Их зубы и когти такой длины и формы, что, если тебя однажды заденут, эти раны так легко не заживут.

— Это правда? Будет ужасно, если оно не заживёт.

— Так будет даже лучше.

— Что?

Сизиф ошарашенно посмотрел на Ахиллеона, который продолжал нести чушь. Ахиллеон, казалось, наслаждался шрамами на тыльной стороне своей ладони. Сизиф не мог догадаться, почему же.

— Я найду того, кому принадлежит кошка прежде, чем заживут эти раны.

От мысли о наглой и дерзкой служанке, которая оставила его в ловушке и забрала с собой кошку, у него снова закружилась голова.

— Я видел её всего раз, но не могу забыть...

Ахиллеон не мог найти ни одной причины, по которой та горничная давала ему такие неубедительные оправдания. То же самое было и с её чрезмерно напряжённым лицом.

В этом не было ничего особенного, но когда он раз за разом прокручивал это в своей голове, он странным образом почувствовал желание выследить девушку и расспросить её об этом.

Потому что это было первое ложное признание, которое он когда-либо получал в своей жизни.

http://tl.rulate.ru/book/58881/2687072